

Глава 1

Первый взгляд

То было время, когда я особенно жалел, что не сплю.
Школа.

Или вернее было бы сказать «чистилище»? Если есть искупление моим грехам, наверняка вот эти муки мне хоть как-нибудь да зачтутся. К такой скукотище я так и не привык; каждый последующий день невыносимой монотонностью превосходил предыдущий.

Пожалуй, это состояние могло бы даже считаться присущей только мне формой сна — если определять сон как бездействие между периодами активности.

Я глазел на трещины, разбегающиеся по штукатурке в дальнем углу кафетерия, и мысленно дорисовывал вокруг них узоры, которых там не было. Таков мой способ отключаться от голосов, бурлящих речным потоком у меня в голове.

Несколько сотен этих голосов я игнорировал — так скучны они были.

Если уж на то пошло, всевозможных человеческих умов я уже наслушался раньше и более чем достаточно. Сегодня мысли окружающих были поглощены заурядным событием — пополнением в узком кругу учеников. Какой же малости хватило, чтобы взбудоражить их. Я видел, как новое лицо возникает во всех ракурсах в одной мысли за другой. Обыч-

ная, ничем не примечательная человеческая девушка. Ажиотаж вокруг ее появления был удручающе предсказуем: той же реакции можно добиться от малышей, недавно научившихся ходить, показав им какую-нибудь блестящую вещицу. Половина баранов в человеческом облике уже навоображали, что втюрились в нее только потому, что она еще не успела им примелькаться. Я постарался как следует отключиться от них.

Лишь четыре голоса я заблокировал скорее из вежливости, чем из отвращения — моей семьи, двоих братьев и двух сестер, которые настолько привыкли к нехватке уединения в моем присутствии, что это редко заботило их. Я делал для них что мог. Старался по возможности не слушать.

Но, несмотря на все старания, я все-таки... знал.

Розали, как обычно, думала о себе — ее разум был стоячей водой, бедной сюрпризами. Поймав отражение своего профиля в чьих-то очках, она принялась жевать мысль о собственном совершенстве. Ни у кого другого цвет волос не был настолько близок к настоящему золотистому, никто другой не мог похвастать такой идеальной фигурой «песочные часы», ни у кого больше лицо не имело настолько безукоризненно симметричного овала. Она сравнивала себя не с присутствующими здесь людьми: подобное сопоставление было бы смехотворным и нелепым. Думала она о других, таких же, как мы, и среди них ей не находилось равных.

Обычно беззаботное лицо Эмметта кривилось от досады. Вот и теперь он провел огромной лапицей по своим черным, как эбеновое дерево, кудрям, скручивая их в кулаке. Все еще злился из-за проигранного Джасперу вчера ночью поединка. Понадобятся все его небогатые запасы терпения, чтобы дотянуть до конца учебного дня и уж тогда устроить матч-реванш. Слушая мысли Эмметта, я не считаю себя незванным гостем, потому что он никогда и не думает ничего такого, что не сказал бы вслух или не воплотил бы в жизнь. Может, только потому я и чувствую себя виноватым, читая чужие мысли, что понимаю: есть вещи, в которые эти люди не захотели бы посвящать меня. И если разум Розали — стоячая лужа, то у Эмметта он — ничем не замутненная, прозрачная, словно стекло, гладь озера.

А Джаспер... страдал. Я подавил вздох.

«*Эдвард!*» — мысленно позвала меня Элис и сразу привлекла мое внимание.

Все равно как если бы окликнула меня по имени вслух. Хорошо еще, в последние несколько десятилетий мое имя вышло из моды — раньше это здорово досаждало: стоило кому-нибудь подумать о каком-нибудь Эдварде, и я оборачивался машинально.

Теперь же не повернул головы. Нам с Элис неплохо удавались такие конфиденциальные разговоры. На них мы попадались редко. Я не сводил глаз с трещин в штукатурке.

«*Как он? Держится?*» — спросила Элис.

Я нахмурился, очертания моего рта едва заметно изменились. Ничего такого, чем я выдал бы себя, а нахмуриться вполне мог от скуки.

Джаспер сохранял неподвижность слишком долго. Не совершал свойственные людям быстрые тики, какие приходится делать всем нам — постоянно быть в движении, чтобы не выделяться: к примеру, Эмметту — теревить волосы, Розали — класть ногу на ногу то так, то этак, Элис — постукивать пальцами ног по линолеуму, а мне — поворачивать голову, разглядывая всякие трещины на стене. Джаспер выглядел парализованным, его поджарое тело оставалось прямым, словно он проглотил кол, и даже медовые волосы как будто не шевелил долетающий из вентиляции ветерок.

Внутренний голос Элис звучал тревожно, по ее мыслям я понял, что она краем глаза наблюдает за Джаспером. «*Есть причины опасаться?*» Она гляделась в ближайшее будущее, отыскивая среди видений обыденности то, которое заставит меня нахмуриться, и даже при этом не забыла подоткнуть крошечный кулачок под свой острый подбородок и время от времени моргать. И отвела со лба черную прядь своей короткой рваной стрижки.

Я слегка повернул голову влево, будто глядя на кирпичную стену, вздохнул и повернул снова — на этот раз вправо, обратно к трещинам на потолке. Наши сочли бы, что я просто изображаю человека. И только Элис поняла, что это я покачал головой.

Она расслабилась. «*Сообщи мне, если станет совсем скверно*».

Я ответил только движением глаз — вверх по потолку, затем снова вниз.

«Спасибо за это».

Даже хорошо, что ответить ей вслух я не мог. А то что бы я сказал? «Мне только в радость»? Все нет. Мне не нравилось прислушиваться к терзаниям Джаспера. Обязательно ли было в самом деле ставить такие опыты? Разве не безопаснее просто признать, что он никогда не научится справляться со своей жаждой так, как умеем мы, остальные, и впредь не зарываться? Зачем играть с огнем?

После нашей предыдущей охотничьей экспедиции прошло две недели. Для нас это время выдалось не особо трудным. Порой немного некомфортным — когда человек проходил слишком близко или ветер дул не в ту сторону. Но слишком близко люди проходят редко. Инстинкты подсказывают им то, что никогда не поймет их рассудок: мы — опасность, которой следует избегать.

Прямо сейчас Джаспер был невероятно опасен.

Такое случалось нечасто, но время от времени я поражался безразличию людей вокруг нас. Мы привыкли к нему, всегда ожидали его, однако порой оно выглядело более вопиющим, чем обычно. Никто из людей не обращал внимания на нас, расположившихся здесь, в кафетерии, за раздолбанным столом, хотя, окажись на нашем месте стая тигров, она представляла бы не столь смертельную опасность. Все, что видели в нас окружающие, — пятерых ребят странноватого вида, достаточно похожих на людей, чтобы сойти за них. Трудно было представить, как человеческим существам удастся выживать, если их чувства настолько притуплены.

В тот момент невысокая девчушка остановилась у стола, ближайшего к нашему, чтобы поболтать с подружкой. Она встряхнула короткими волосами песчаного оттенка, провела по ним пятерней. С воздухом от батарей отопления до нас долетел ее запах. Я давно привык к ощущениям, которые вызывали во мне подобные запахи, — к сухой боли в горле, к тянущей пустоте в желудке, к машинальному напряжению мышц, к обильному приливу яда во рту.

Все это были обычные и знакомые явления, и, как правило, не обращать на них внимания не составляло труда. Но теперь,

пока я следил за Джаспером, стало труднее, остро ощущались удвоенные реакции.

Джаспер дал волю своему воображению. И представлял, как это происходит, — как встает со своего места рядом с Элис и подходит к невысокой девчужке. Думал, как наклонится, будто собираясь что-то прошептать ей на ухо, и позволит себе скользнуть губами по изгибу ее горла. Воображал, как ощутит губами горячую пульсацию ее крови под непрочной преградой кожи...

Я пнул его стул.

Он встретился со мной взглядом, в его глазах мелькнуло возмущение, и он отвел их. Я слышал у него в голове стыд и мятежность.

— Виноват, — пробормотал Джаспер.

Я пожал плечами.

— Ты бы ничего не сделал, — смягчая в нем унижение, шепнула Элис. — Я же видела.

Я сдержался и не стал хмуриться, чтобы не выдать ее ложь. Нам надо держаться заодно, Элис и мне. Непросто быть белой вороной среди тех, кто и без того не такие, как все. Мы берегли секреты друг друга.

— Немного помогает, если думать о них как о людях, — подсказала Элис, и ее высокий мелодичный голос зажурчал слишком быстро и неразборчиво для слуха тех людей, которые случайно окажутся поблизости и услышат ее. — Ее зовут Уитни. У нее есть сестра — совсем малышка, она ее обожает. Ее мать звала Эсме на ту вечеринку в саду, помнишь?

— Я знаю, кто она, — отрывисто бросил Джаспер. Отвернувшись, он уставился на узкие окна под самым потолком длинного помещения. Судя по его тону, разговор был закончен.

Сегодня ему придется выйти на охоту. Глупо вот так рисковать — в попытке испытать свою силу, развить выносливость. Джаспер должен просто признать свои ограничения и ориентироваться на них.

Элис мысленно вздохнула, встала, забрала со стола свой поднос с едой — бутафорию, если так можно выразиться, — и отошла, оставив Джаспера в покое. Она поняла, что ему уже хватило моральной поддержки с ее стороны. Отношения Розали и Эмметта выглядели более явными, но именно Элис

и Джаспер знали каждую потребность друг друга, как свою собственную. Как будто тоже умели читать мысли, но только один у другого.

«Эдварг».

Рефлекторная реакция. Я обернулся на звук собственного имени, словно меня позвали, хотя это был не зов, просто мысль.

На секунду я встретился взглядом с большими шоколадно-карими человеческими глазами на бледном лице, формой напоминающем сердечко. Это лицо было мне знакомо, хотя в тот момент своими глазами я увидел его впервые. Но сегодня оно возникало в мыслях почти у всех окружающих. Новая ученица Изабелла Свон. Дочь начальника местной полиции, переселилась сюда из-за каких-то изменений ситуации с опекой. Белла. Она поправляла каждого, кто называл ее полным именем.

Я равнодушно отвернулся. Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что мое имя подумала не она.

«Все ясно, она уже запала на Калленов», — услышал я продолжение недавней мысли.

Только теперь я узнал этот «голос».

Джессика Стэнли — давненько она не досаждала мне внутренней болтовней. С каким облегчением я вздохнул, когда она преодолела свою неуместную заикленность. Было почти невозможно отделаться от ее непрерывных и нелепых грез наяву. В то время меня так и подмывало объяснить ей, что именно произойдет, если рядом с ней окажутся мои губы, а вместе с ними и зубы. Это положило бы конец ее докучливым фантазиям. Представив себе ее реакцию, я чуть не улыбнулся.

«Ни черта ей не светит, — продолжала Джессика. — Она ведь вообще никакая. Не понимаю, с чего вдруг Эрик так на нее пялится... и Майк».

От последнего имени она мысленно дрогнула. Предмет ее нового помешательства, всеобщий любимчик Майк Ньютон, ее в упор не замечал. Зато, по-видимому, очень даже замечал новенькую. Еще одно дитё тянется к блестящей игрушке. Это придало мыслям Джессики язвительность, хотя внешне она держалась приветливо, пересказывая новенькой общеизвестные сведения о моей семье. Должно быть, та расспрашивала о нас.

«Сегодня все глазают и на меня, — самодовольно думала Джессика. — Белла со мной в одном классе сразу на двух предметах — чем не удача? Спорим, Майк спросит у меня, что она...»

Я мысленно отгородился от глупого щобега, пока своей мелочностью и пошлостью она не свела меня с ума.

— Джессика Стэнли вываливает перед этой новенькой, Свон, все грязное белье клана Каллен, — чтобы отвлечься, вполголоса сказал я Эмметту.

Он еле слышно хмыкнул. «Надеюсь, старается вовсю», — подумал он.

— Вообще-то с фантазией у нее туго. Лишь легчайший намек на скандальность. И ни капли ужасов. Я даже немного расстроился.

«А новенькая? Ее тоже расстроили сплетни?»

Я прислушался, чтобы выяснить, что думает об услышанном от Джессики эта девушка, Белла. Как она воспринимает странную, бледную как мел семейку, которой сторонятся все вокруг?

Узнать ее реакцию я был просто обязан. Я, за неимением лучшего выражения, стоял на страже своей семьи. Для того, чтобы защищать нас. Если бы у кого-нибудь возникли подозрения, я бы мог вовремя предупредить остальных и найти легкий путь к отступлению. Порой такое случалось: кто-нибудь из обладателей живого воображения усматривал в нас сходство с героями книги или фильма. И, как правило, ошибался, но перебраться на новое место было проще, чем рисковать, привлекая к себе пристальное внимание. Редко, чрезвычайно редко чья-нибудь догадка оказывалась верной. Таким людям мы не давали шанса проверить их предположения. Мы просто исчезали, чтобы стать не более чем пугающим воспоминанием.

Но подобного не случалось уже несколько десятилетий.

Я не услышал ничего, хотя нацеливал внимание в ту сторону, где продолжал изливаться легкомысленный внутренний монолог Джессики. Как будто никто и не сидел рядом с ней. Как странно. Неужели новенькая пересела? Маловероятно, ведь Джессика все еще тараторила, обращаясь к ней. В растерянности я поднял глаза. Мой добавочный «слух» в проверках никогда прежде не нуждался.

И опять наши взгляды встретились — мой и взгляд широко распахнутых карих глаз. Она сидела там же, где и прежде, и смотрела на нас — в этом я не усматривал ничего удивительного, ведь Джессика продолжала кормить ее местными сплетнями о Калленах.

Со стороны новенькой думать о нас тоже было бы вполне естественно.

Но я не различал ни единого шепота.

Теплый, призывный румянец проступил на ее щеках, она потупилась, исправляя досадную оплошность — ее поймали глазающей на незнакомого человека. К счастью, Джаспер по-прежнему смотрел в окно. Даже представлять не хотелось, как отразился бы на его умении владеть собой этот мгновенный прилив крови.

Чувства так отчетливо читались на ее лице, словно были выписаны на нем словами: удивление по мере того, как она невольно замечала неявные признаки межвидовых различий — между собственным и моим видом; любопытство, с которым она выслушивала рассказ Джессики, и еще что-то... Влечение? Не у нее первой. Мы прекрасны для людей, предназначенной для нас добычи. И наконец, смущение.

Но, несмотря на всю отчетливость отражения мыслей в ее необычных глазах — необычных из-за их глубины, — я слышал лишь тишину с того места, где сидела она. Только... молчание.

Я ощутил мимолетное беспокойство.

Ни с чем подобным я еще никогда не сталкивался. Со мной что-то не так? Но я чувствовал себя в точности как всегда. Тревожась, я прислушался как следует.

Все голоса, которые я до сих пор отключал, вдруг завопили у меня в голове.

«... знать бы, какой музон ей по нраву... может, про мой новый диск при ней сказать...» — думал Майк Ньютон на расстоянии двух столиков от меня, не сводя глаз с Беллы Свон.

«Гляньте, как он на нее вылупился. Мало ему, что половина девчонок школы ждут, стоит ему только...» — язвительные мысли Эрика Йорки тоже вращались вокруг девчонок.

«...аж тошнит. Как будто она знаменитость или типа того... Даже Эдвард Каллен уставился... — На лице Лорен

Мэллори была написана такая острая зависть, что ей по любым меркам полагалось бы густо позеленеть. — *Да еще Джессика, выискалась новая лучшая подружка. Умора...*» — ее мысли продолжали сочиться ядом.

«...спорим, об этом ее спрашивают все погряз. Но болтать-то с ней хочется. Что бы такого придумать пооригинальнее?» — ломала голову Эшли Даулинг.

«...а вдруг она будет со мной на испанском...» — надеялась Джун Ричардсон.

«...куча домашки осталась на завтра! Тригонометрия да еще тест по английскому. Надеюсь, мама...» — тихоню Анджелу Вебер, в мыслях которой царило удивительное добродушие, единственную из сидящих за столом не захватила одержимость Беллой.

Я слышал их всех, слышал каждую несущественную мыслишку сразу же, едва она проносилась у них в голове. Но ни звука не долетало от новой ученицы с обманчиво приветливыми глазами.

Но я, разумеется, слышал, что она говорила, обращаясь к Джессике. Умение читать мысли не требовалось, чтобы различить ее приглушенный чистый голос в дальнем углу длинного зала.

— Тот рыжеватый парень — кто он? — донесся до меня ее вопрос, и она украдкой бросила на меня еще один взгляд, только чтобы увидеть, что я по-прежнему наблюдаю за ней, и поспешно отвести глаза.

Если у меня и успела мелькнуть надежда, что услышанный голос поможет мне уловить тембр ее мыслей, то меня сразу же постигло разочарование. Как правило, высота внутреннего и физического голосов человека совпадает. Но этот тихий застенчивый голос звучал незнакомо, не соответствовал ни одной из сотен мыслей, разносящихся по залу, — в этом я не сомневался. Совершенно новый голос.

«Ну и флаг в руки, гурында!» — подумала Джессика прежде, чем ответила на вопрос соседки:

— Это Эдвард. Он, конечно, потрясный, но лучше не трать на него время. Он ни с кем не встречается. Видно, считает, что никто из симпатичных девчонок здесь ему не пара. — И она негромко фыркнула.

Я отвернулся, пряча улыбку. Джессика и ее одноклассницы понятия не имели, как им повезло, что ни одну из них я не считал особо привлекательной.

Сквозь эту мимолетную вспышку веселья я ощущал неожиданный порыв, не вполне понятный мне. Он имел некое отношение к зловредному оттенку мыслей Джессики, о котором новенькая не подозревала... Мной овладело престранное желание встать между ними, загородить Беллу Свон от темных помыслов Джессики. Какое непривычное ощущение. Пытаясь выяснить, чем вызван этот порыв, я опять взгляделся в новенькую, на этот раз глазами Джессики. Мой пристальный взгляд привлекал слишком много внимания.

Может, все дело было в давно погребенном глубоко внутри инстинктивном стремлении защищать — сильный за слабого. Почему-то эта девушка выглядела более ранимой и хрупкой, чем ее новые одноклассницы. Ее кожа была такой тонкой, почти прозрачной, что с трудом верилось в сколько-нибудь достаточную надежность этой защиты от внешнего мира. Я видел, как ритмично пульсирует кровь в ее жилах под этой чистой бледной оболочкой... Но сосредотачивать на ней внимание мне не следовало. Я был хорошо приспособлен к жизни, которую избрал, но голод мучил меня так же, как и Джаспера, даже в отсутствие соблазнов.

Между ее бровями обнаружилась еле заметная складочка, о которой она, кажется, не знала.

Но насколько же невероятной была досада! Ведь я прекрасно видел, каких усилий ей стоит сидеть здесь, поддерживать разговор с малознакомыми людьми, находиться в центре внимания. Чувствовал ее робость по тому, как она слегка сутулила хрупкие плечи, словно ожидая, что ее в любую минуту могут резко осадить. И тем не менее я лишь видел, лишь чувствовал, лишь мог представить себе. Но от этой совершенно непримечательной человеческой девушки исходило только молчание. Я ничего не слышал. Почему?

— Идем? — шепнула Розали, прерывая мою задумчивость.

От мыслей об этой девушке я отвлекся с облегчением. Мне не хотелось и дальше терпеть неудачу — со мной такое случалось редко и тем сильнее раздражало. Не хотелось пробуждать в себе интерес к ее скрытым мыслям только потому,

что они скрыты. Несомненно, когда я разгадаю их — а я обязательно найду способ сделать это, — они окажутся такими же ничтожными и обиденными, как у любого другого человека. Не стоящими усилий, которые я потрачу, чтобы выяснить их.

— Так новенькая уже боится нас? — спросил Эмметт, все еще ждущий от меня ответа на свой предыдущий вопрос.

Я пожал плечами. Он был не настолько заинтересован, чтобы выпытывать подробности.

Мы встали из-за стола и вышли из кафетерия.

Эмметт, Розали и Джаспер притворялись старшими; они разошлись по классам. Я делал вид, будто младше их. И направился на урок биологии начального уровня, мысленно настраиваясь на скуку. Вряд ли мистер Баннер с его умственными способностями не выше средних умудрится выдать на уроке хоть что-нибудь, что удивит обладателя двух дипломов в области медицины.

В классе я устроился на своем месте и вывалил на стол книги — опять-таки бутафорские, не содержащие ничего ранее неизвестного мне. Из всех учеников только мне одному достался стол весь целиком. Людям не доставало ума *понимать*, что они меня боятся, но инстинкта самосохранения хватало им, чтобы сторониться меня.

Класс постепенно заполнялся, ученики один за другим возвращались с обеда. Я откинулся на спинку стула и стал ждать, когда пройдет время. И вновь жалеть, что лишен способности предаваться сну.

Поскольку думал я о новенькой, ее имя сразу вторглось в мои мысли, когда Анджела Вебер ввела ее в класс.

«Похоже, Белла такая же стеснительная, как и я. Могу поспорить, что сегодня ей пришлось тяжело. Сказать бы ей что-нибудь... только наверняка все равно лягну глупость».

«Да!» — мелькнуло у Майка Ньютона, который повернулся на своем месте при виде вошедших девчонок.

А с того места, где стояла Белла Свон, по-прежнему не доносилось ничего. Там, где ее мыслям следовало бы изводить и тревожить меня, зияла пустота.

А если пропало *все*? И это лишь первый симптом какой-нибудь разновидности умственного упадка?

Я часто мечтал избавиться от какофонии чужих мыслей. И стать нормальным — в пределах, доступных мне. Но теперь вдруг запаниковал. Кем я стану без своих прежних способностей? Я ни разу не слышал о таком. Надо выяснить, доводилось ли Карлайлу.

Девушка прошла по проходу мимо меня, направляясь к учительскому столу. Бедная, свободное место осталось только рядом со мной. Машинально я сгреб в стопку книги, освобождая ее половину стола. Вряд ли ей будет здесь удобно. А терпеть придется целый семестр — по крайней мере, в этом классе. С другой стороны, возможно, я, сидя рядом с ней, наконец разведу, где прячутся ее мысли... правда, раньше близкое соседство мне для этого не требовалось. И не то чтобы я рассчитывал найти что-либо достойное внимания.

Белла Свон прошла в потоке нагретого воздуха, который дул в мою сторону из вентиляции.

Ее запах обрушился на меня как боевой таран, стал подобием взрыва гранаты. Не существовало образа достаточно бурного, мощного и внезапного, чтобы сравнить с ним силу, воздействию которой я подвергся в тот момент.

В тот же миг я преобразился. Утратил всякое сходство с человеком, которым некогда был. От скудных остатков человеческого, которыми мне удавалось прикрываться долгие годы, не осталось и следа.

Я стал хищником. А она — моей добычей. И в целом мире больше не было ничего, кроме этой истины.

Не было полного класса свидетелей — мысленно я уже записал их в сопутствующие потери. Забытой оказалась тайна ее мыслей. Они не значили ничего, ибо думать ей осталось недолго.

Я был вампиром, а в ней струилась сладчайшая кровь из всех, какие мне случалось обонять за более чем восемьдесят лет.

Мне и в голову не приходило, что такой запах может существовать. Знай я об этом, давным-давно бы уже бросился на поиски. Обшарил бы всю планету, разыскивая ее. Мне представился вкус...

И жажда опалила горло потоком пламени. Во рту пересохло и запеклось, и прилив свежего яда облегчения не принес. Желудок скрутило от голода — отголоска жажды. Мышцы напряжились, готовые сработать.

Не прошло и секунды. Она все еще делала тот же самый шаг, который увел ее в подветренную сторону от меня.

Когда ее ступня коснулась пола, она скользнула глазами в мою сторону, явно пытаясь сделать это незаметно. Ее взгляд встретился с моим, и я увидел свое отражение в зеркале ее глаз.

Шок от увиденного спасал ей жизнь на протяжении нескольких самых острых мгновений.

Сама она не помогла ничем. Когда она осмыслила выражение моего лица, кровь опять прилила к ее щекам, придала коже самый лакомый оттенок, какой я когда-либо видел. От запаха густой туман затопил мой мозг. Мысли едва пробивались сквозь него. Инстинкты бушевали, беспорядочно метались, отказывались подчиняться.

Она прибавила шагу, словно понимая, что надо бежать. И от спешки сделалась неловкой — споткнулась, повалилась вперед, чуть не упала на девчонку, сидящую передо мной. Уязвимая, слабая. Даже в сравнении с другими людьми.

Я старался сосредоточиться на лице, отражение которого увидел в ее глазах и узнал, испытав отвращение. На лице чудовища у меня внутри — того самого, победа в борьбе с которым стоила мне десятков лет усилий и безупречной дисциплины. Но как же легко оно теперь вынырнуло на поверхность!

Запах вновь окутал меня, рассеял мысли и чуть не заставил сорваться с места.

Нет.

Сияясь удержаться на стуле, я стиснул пальцы под краем стола. Древесина не рассчитана на такую нагрузку. Пальцами я проломил поперечную планку под столом, ладонь наполнилась древесной трухой, а на планке остались выемки от моих сжатых пальцев.

Уничтожай улики. Так гласит непреложное правило. Я быстро выровнял пальцами края выемок, так что от них осталась лишь неровная дыра в планке и кучка трухи на полу, которую я раскидал ногой.

Уничтожай улики. Сопутствующие потери...

Я знал, что сейчас будет. Этой девушке придется сесть рядом со мной, а мне — убить ее.

Ни в чем не повинных свидетелей, находящихся в том же классе — восемнадцать других учеников и одного учителя, —

ни в коем случае нельзя отпускать после того, что они вскоре увидят.

При мысли о том, что мне надлежит сделать, меня передернуло. Даже в худшие времена мне не доводилось так зверствовать. Я никогда не убивал невинных. А теперь замышлял настоящую бойню — уничтожение двадцати человек сразу.

Чудовище, которое я видел в собственном отражении, издевалось надо мной.

С содроганием отталкивая его, я в то же время строил планы насчет того, что будет дальше.

Если я убью девочку первой, то на нее у меня останется от силы пятнадцать-двадцать секунд, прежде чем опомнятся остальные. Или чуть больше, если они не сразу сообразят, что я делаю. Она не успеет ни вскрикнуть, ни почувствовать боль; убивать ее жестоко я не стану. По крайней мере, это я смогу сделать для незнакомки с ужасающе соблазнительной кровью.

Но потом понадобится помешать остальным сбежать. Насчет окон можно не беспокоиться — они слишком узкие и высоко расположенные, чтобы служить путем к побегу хоть для кого-нибудь. Остается лишь дверь: загородить ее, и все окажутся в ловушке.

Будет медленнее и труднее, если пытаться прикончить их всех, пока они беспорядочно мечутся и сталкиваются в панике. Ничего невозможного, но шума будет много. Времени с избытком хватит для визга и воплей. Кто-нибудь наверняка услышит... и я буду вынужден за единственный черный час загубить еще больше невинных душ.

А ее кровь успеет остыть, пока я их убиваю.

Запах терзал меня, забивал горло сухой ноющей болью...

Значит, первыми — свидетелей.

В голове сложился план. Я находился в середине класса, в самом дальнем ряду. Сначала я займусь теми, кто справа от меня. По моим оценкам, за секунду я мог свернуть четыре-пять шей. Почти не поднимая шума. Правой стороне повезет: они не увидят, как я приближаюсь. Затем я метнусь вдоль переднего ряда и дальше по левой стороне класса; мне понадобится самое большее пять секунд, чтобы отнять жизнь у всех, кто здесь находится.

Достаточно долго, чтобы Белла Свон успела мельком увидеть, что ее ждет. Достаточно, чтобы ощутила страх. Достаточно, чтобы завизжала, если только не оцепенеет от шока. На единственный негромкий вопль никто не сбежится.

Я сделал глубокий вдох, и все тот же запах взметнулся пламенем в моих пересохших венах, выжигая в груди все благие порывы, на какие я еще был способен.

Она как раз оборачивалась. Еще пара секунд, и она сядет на расстоянии нескольких дюймов от меня.

Чудовище у меня в голове возликовало.

Кто-то с треском захлопнул папку слева от меня. Я не стал поднимать голову, чтобы выяснить, кто из обреченных людей сделал это, но от его движения мне в лицо ударила волна самого обычного, ничем не пахнущего воздуха.

На краткую секунду ко мне вернулась способность ясно мыслить. И за этот драгоценный миг я увидел перед мысленным взором сразу оба лица.

Одно — мое, вернее, когда-то было моим: лицо красноглазого монстра, который истребил столько народу, что я уже сбился со счета. Совершал логически обоснованные, оправданные убийства. Я был убийцей убийц, убивал других, менее могущественных чудовищ. Да, я признавал, что это комплекс бога — решать, кто заслуживает смертного приговора. Сделка с самим собой. Я питался человеческой кровью, но лишь в самом широком смысле из возможных. Мои жертвы в своем разнообразном и мрачном времяпрепровождении демонстрировали многим больше человеческого, чем было свойственно мне.

Вторым было лицо Карлайла.

Между этими двумя лицами не наблюдалось никакого сходства. Они отличались, как ясный день и самая черная из ночей.

Для сходства и не было причин. В строго биологическом смысле Карлайл не приходился мне отцом. Общих черт у нас с ним не наблюдалось. Одинаковым цветом лица мы были обязаны тому, кем оба являлись: любой вампир мертвенно-бледен. Сходство цвета глаз — другое дело: оно отражало наш совместный выбор.

Но, несмотря на отсутствие оснований для сходства, мне казалось, что за последние семьдесят с лишним лет, на про-